

Научная статья
УДК 93/94:39
DOI 10.46698/VNC.2024.1.1.003

А.А. Туаллагов

К истории Ныхаса (III)

Алан Ахсарович Туаллагов

Центр скифо-аланских исследований им. В.И. Абаева Владикавказского научного центра Российской академии наук, доктор исторических наук, Владикавказ, Россия, alan167@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме исключительной формы отношений между женщинами и осетинским ныхасом. Проведенный анализ позволяет полагать, что ныхас был доступен для женщин в особом случае, связанном с воинской традицией. Стойкость самой традиции могла определяться мощным историческим импульсом, имеющим истоки в «сармато-аланском мире». Данное положение соотносится с решением, что древние ныхасы, включая аланские, изначально служили святилищами женского божества, только со временем трансформируясь в исключительно мужские святилища.

Ключевые слова: ныхас, гендерные отношения, аланы, осетины

Для цитирования: Туаллагов А.А. К истории Ныхаса (III) // Вестник Владикавказского центра РАН. 2024. Т. 24. № 1. С. 41–43. DOI 10.46698/VNC.2024.1.1.003

To the history of Nykhas (III)

Alan A. Tuallagov

The Abaev Centre for Scytho-Alanic Studies of VSC RAS, Dr., Vladikavkaz, Russia alan167@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the problem of the exclusive form of relations between women and the Ossetian nykhas. The analysis suggests that nykhas was available to women in a special case associated with military tradition. The persistence of the tradition itself could be determined by a powerful historical impulse that had its origins in the «Sarmatian-Alan world». This position also correlates with the decision that the ancient nykhas, including the Alanian ones, initially served as sanctuaries of a female deity, only over time transforming into exclusively male sanctuaries.

Keywords: nykhas, gender relations, Alans, Ossetians

For citation: Tuallagov A.A. To the history of Nykhas (III) // Bulletin of the Vladikavkaz Center of the Russian Academy of Sciences. 2024. Vol. 24. No.1. P.41–43. DOI 10.46698/VNC.2024.1.1.003.

Посвящается светлой памяти
Александра Юрьевича Скакова
(28.11.1971–28.06.2023)

По наблюдениям исследователей, аналоги осетинским ныхасам существовали и у других кавказских народов. Для них были характерны различные степени доступности подобных собраний для женщин: 1) полный запрет на посещение женщинами; 2) посещение женщинами при определенных условиях; 3) свободное посещение женщинами [17, с. 15, 16, 22; 11, с. 301]. Известно давнее замечание, что на осетинский ныхас женщины в старину не допускались, но теперь «... изредка является какая-нибудь старушка с просьбой, свидетельница или подсудимая» [10, с. 196]. Вероятно, данное замечание было сделано за счет непосредственного наблюдения единственного случая [9, с. 151–152].

Следует полагать, что женщины, видимо, изредка привлекались как свидетели, представляющие косвенные показания – æвдисæн / æвдесæн. Но обычно в суды являлись представляющие их мужчины. Таким образом, выступление женщины в качестве такого свидетеля только подтверждает

ее общую отстраненность от процесса судопроизводства. В целом же среди специалистов принято считать, что женщинам доступ на осетинский ныхас был категорически запрещен, т. е. речь идет о первом типе кавказских собраний типа осетинского ныхаса.

Вместе с тем следует обратить внимание на одну из картин известного знатока осетинской этнографии М.С. Туганова «Гадзи Бадтиева едет на военный совет», написанную в 1930 г. Она могла основываться на соответствующих сведениях о знаменитой женщине из горного Даргавса. На картине она изображена едущей в повозке, рядом с которой скачут всадницы. Но решение военных дел было прерогативой именно ныхасов [17, с. 19; 2, с. 103; 7, с. 108], где и должен был проходить военный совет. Следовательно, на картине изображены женщины, еще и особо демонстрирующие свое воинское состояние, – всадницы, направляющиеся непосредственно на ныхас. Поэтому надо полагать, что общепринятое в науке представление о всегда строжайшем запрете доступа женщине на ныхас не совсем верно.

Некоторые осетинские этнографические ма-

териалы позволяют привести и дополнительные наблюдения. Так, отмечалось, что женщина могла прийти на ныхас, когда не оставалось среди родственников мужчины, способного осуществить кровную месть. Тогда женщина, обычно вдова или сестра убитого, приносила на ныхас угощение – три пирога, мясо и пиво. Она обращалась с соответствующей просьбой к находившимся там мужчинам и предлагала отведать принесенное. Если кто-либо из мужчин хотя бы только прикасался к еде, то тем самым он принимал на себя клятву мести.

Некоторые исследователи полагали, что данный акт следует рассматривать с позиций брачных традиций, поскольку обычно женщине не полагалось публично обращаться к мужчине и появляться на ныхасе. Причем принятие на себя функции кровомстителя в такой трактовке обозначало право жениться затем на вдове или сестре убитого, что давало и право на ее имущество [18, с. 117–119]. Однако сам факт посещения женщиной ныхаса, хоть и исключительный, и отсутствие свидетельства права на последующий брак противоречат данной трактовке. Кроме того, нисколько не оговаривается семейный статус такого кровомстителя, который бы позволял ему претендовать на брак.

Но показательно, что при такой спорной трактовке справедливо указывалось в качестве типологической параллели [19, с. 117] на данные из третьей новеллы произведения «Токсарид, или дружба» Лукиана Самосатского, литературное творчество которого началось около 160-х гг. н. э. В ней описывается скифский обряд отмщения, когда просивший о помощи скиф резал быка, варил его мясо и садился на его шкуру. Тот, кто брал мясо и наступал ногой на шкуру, тем самым обязывался оказать такую помощь. Известно, что описанный обряд прямо сопоставим с осетинским обрядом поиска помощи. Он также надежно отложился в осетинской фразеологии [1, с. 24–25; 3, с. 251–255] и зафиксирован в конкретном осетинском обряде сбора в военный поход, память о котором сохранилась в топонимике [19, с. 158–159].

Другие исследователи более обоснованно отнесли к сопоставлению факта исключительного посещения женщиной осетинского ныхаса со скифским обрядом. Показательно, что в данный контекст оказались логично включены примеры, отражающие воинскую сферу деятельности, которые могут иметь достаточно архаичные истоки. Указывалось, например, что, несмотря на неприкосновенность женщин в кровной мести, они участвовали в «этикете кровников» – не ходили по запрещенным улицам, при встрече отходили в сторону и т. д. Прежнее непосредственное участие женщин в кровной мести усматривают в том, что в акте примирения было обязательным снискание прощения со стороны ближайших родственниц убитого.

В одной осетинской (дигорской) легенде повествовалось о сестре Хорчег, которая лично отмстила кровнику за смерть своих братьев, после

чего испила его крови, чему вновь находят показательные параллели в данных древних источников об обычаях скифов. Некоторые материалы позволяли заключить, что прежде женщины могли сами участвовать в боевых коллизиях. За ними было закреплено право влияния на общественное мнение именно в сфере воинских нравственных установок. Передача девушке почетного бокала-*нуазæн* могло служить реминисценцией обряда в честь победы над неприятелем, опосредованное подтверждение чему усматривают в сообщениях древних источников о боевых качествах савроматов. В свадебной обрядности отмечалось преподнесение теще коня, режее оружия и т. п. [16, с. 97, 135–137, 146–147, 159–160]. Добавим, что иногда мстителем выступал племянник по матери – *харафырт* [2, с. 83], что также могло бы указывать на прошлое активное вовлечение в акт кровной мести материнского рода, возможно, и самих женщин.

Обращают на себя внимание и данные Е. Зичи, совершившего путешествие на Кавказ в 1895–1896 гг., о том, что осетинские женщины сопровождали своих мужей в набегах, в том числе верхом на лошадях [6, с. 293]. Исследователи также отмечали, что если у отца не было сына-наследника, то одна из дочерей или даже единственная дочь отказывалась от брачной жизни и брала на себя обязанности сына. Внешне она вела себя как мужчина, носила мужскую одежду, ездила верхом на лошади, в хозяйстве выполняла мужские работы.

В истории осетин зафиксирован и случай, когда в боях с врагами отряд возглавляла девушка. В прошлом за убитого брата мстителем могла выступать его сестра, которая облачалась в доспехи и шла на врага. В данной связи отмечались многие параллели из сообщений источников о непосредственном участии в боевых действиях женщин «скифо-сарматского мира». Приводился и конкретный пример из истории алан XIII в., когда супруга правителя, исполняя последнюю волю мужа, лично возглавила войско и подавила восстание соплеменников, жертвой которого он пал [8, с. 99–103]. Тем самым она, несомненно, свершила и акт кровной мести. Современные исследователи также уделяют заслуженное внимание данной этнографической реалии в прошлом осетин [4, с. 184–185, прим. 57].

Следует отметить, что в связи с упомянутой картиной М.С. Туганова отмечалось женское погребение в каменном ящике № 2 Даргавского катакомбного могильника. Оно датировалось XVII–XVIII вв. [5, с. 41–44]. Такое положение могло бы указывать на хронологическое приближение традиции прямого включения женщин в воинскую сферу жизни общества непосредственно ко времени запечатленного на картине явления. Однако погребение относится к домонгольскому периоду [15, с. 122]. Следовательно, оно может рассматриваться именно как свидетельство включения женщин аланского общества в воинское дело.

В целом, исходя из приведенных материалов,

осетинский ныхас следует относить ко второму из указанных видов собраний как доступного для женщин в исключительных случаях. Такой случай связан не с брачными традициями, а с воинской сферой, включающей институт кровной мести. Эта сфера оказалась необычайно стойкой, учитывая известные исторические сведения о положении женщины в обществе «сармато-аланского мира», в то время как иные посещения в качестве свиде-

тельниц и т. п. были заметно менее значимы. В данном случае необходимо напомнить о решении [11, с. 296–309; 1, с. 347; 13, с. 34–39; 14], что археологически фиксируемые ныхасы, включая аланские, изначально служили святилищами, посвященными женскому божеству, будучи одновременно связанными с судебной деятельностью. Лишь впоследствии их роль трансформировалась, и они стали исключительно мужскими святилищами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алборов Ф. Об одном фразеологизме в осетинском // Кавказ. Иллюстрированный научно-популярный журнал по вопросам истории, этнографии и культуры горских народов Кавказа. – Владикавказ, 1992. С. 24–25.
2. Гаглойти З.Д. Очерки по этнографии осетин. – Тбилиси: Мецниереба, 1974. Т. 1. Общественный быт осетин в XIX в. 160 с.
3. Гаглойти Ю.С. Сведения греко-латинских, византийских, древнерусских и восточных источников об аланах-ясах // Дарьял. – Владикавказ, 1999. № 3. С. 232–255.
4. Дарчиев А.В. Материалы о культовом комплексе Мигъдау в научном наследии Е. Г. Пчелиной // Известия СОИГСИ. – Владикавказ, 2022. Вып. 45 (84). С. 163–189. DOI: 10.46698/VNC.2022.84.45.009.
5. Дзаттиаты Р.Г. О женских погребениях Даргавса // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. – Владикавказ, 2019. Вып. 21. С. 39–48.
6. Зичи Е. Путешествие по Кавказу и Центральной Азии // Осетины глазами русских и иностранных путешественников (XIII–XIX вв.). – Орджоникидзе, 1967. С. 283–297.
7. Карпов Ю.Ю. Народные собрания и старшины в «вольных» обществах Северной Осетии в XVIII – первой половине XIX вв. // Археология и традиционная этнография Северной Осетии. – Орджоникидзе, 1985. С. 102–118.
8. Магомедов А.Х. Общественный строй и быт осетин (XVII–XIX вв.). – Орджоникидзе: Ир, 1974. 373 с.
9. Пфаф В.Б. Путешествие по ущельям Северной Осетии // Сборник сведений о Кавказе. – Тифлис, 1871. Т. I. С. 127–176.
10. Пфаф В.Б. Народное право осетин // Сборник сведений о Кавказе. – Тифлис, 1871а. Т. I. С. 177–220.
11. Скаков А.Ю. «Нартовские ныхасы» на Кавказе // Миропонимание древних и традиционных обществ Евразии. Памяти Валерия Николаевича Чернецова. Сборник статей. – М., 2006. С. 282–312.
12. Скаков А.Ю. Ныхас // Энциклопедия Осетинской Нартиады: в 3-х томах. – Владикавказ, 2022. Т. 2. С. 345–347.
13. Туаллагов А.А., Туаллагова О.А. Народное собрание осетин // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. – Владикавказ, 2022. Вып. 30. С. 33–42.
14. Туаллагов А.А., Туаллагова О.А. Народное собрание осетин (II) // KAVKAZ-FORUM. – Владикавказ, 2023. Вып. 14 (21). С. 62–72. DOI: 10.46698/VNC.2023.21.14.002.
15. Успенский П.С., Албегова (Царикаева) З.Х.-М. Древности Центрального Кавказа VII–XIII вв. (по материалам Даргавского могильника). – М.: Институт археологии РАН, 2021. 272 с.
16. Хадикова А.Х. Традиционный этикет осетин. – СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 2003. 228 с.
17. Чиковани Г.Д. Из общественного быта осетин – ныхас (Диссертация на грузинском языке). 07.00.07. Автореф. ... канд. ист. наук. – Тбилиси: Мецниереба, 1972. 25 с.
18. Чочиев А.Р. Очерки истории социальной культуры осетин (традиции кочевничества и оседлости в социальной культуре осетин). – Цхинвали: Ирыстон, 1985. 288 с.
19. Чочиев А.Р. Нарты-арии и арийская идеология. – М.: АКАЛИС, 1996. 264 с.

REFERENCES

1. Alborov F. About one phraseological unit in Ossetian language // Caucasus. Illustrated popular science magazine on history, ethnography and culture of the mountain peoples of the Caucasus. – Vladikavkaz, 1992. P. 24–25.
2. Gagloiti Z.D. Essays on the ethnography of the Ossetians. – Tbilisi: Metsniereba, 1974. Vol. 1. Social life of the Ossetians in the 19th century. 160 p.
3. Gagloiti Yu.S. Information from Greco-Latin, Byzantine, Old Russian and Eastern sources about the Alans-Yases // Daryal. – Vladikavkaz, 1999. № 3. P. 232–255.
4. Darchiev A.V. Materials about the cult complex Miğdæu in the scientific heritage of E.G. Pchelina // Proceedings of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies. – Vladikavkaz, 2022. Iss. 45 (84). P. 163–189. DOI: 10.46698/VNC.2022.84.45.009.
5. Dzattiati R.G. About the women's burials of Dargavs // Proceedings of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies. School of young scientists. – Vladikavkaz, 2019. Iss. 21. P. 39–48.
6. Zichy E. Traveling through the Caucasus and Central Asia // Ossetians through the eyes of Russian and foreign travelers (XIII–XIX centuries). – Ordzhonikidze, 1967. P. 283–297.
7. Karpov Yu.Yu. People's assemblies and elders in the «free» societies of North Ossetia in the 18th–first half of the 19th centuries. // Archeology and traditional ethnography of North Ossetia. – Ordzhonikidze, 1985. P. 102–118.
8. Magometov A.Kh. Social structure and life of the Ossetians (XVII–XIX centuries). – Ordzhonikidze: Ir, 1974. 373 p.
9. Pfaf V.B. Travel through the gorges of North Ossetia // Collection of information about the Caucasus. – Tiflis, 1871. T. I. P. 127–176.
10. Pfaf V.B. Ossetian folk law // Collection of information about the Caucasus. – Tiflis, 1871a. T. I. P. 177–220.
11. Skakov A.Yu. «Nart Nykhas» in the Caucasus // World outlook of ancient and traditional societies of Eurasia. In memory of Valery Nikolaevich Chernetsov. Collection of articles. – Moscow, 2006. P. 282–312.
12. Skakov A.Yu. Nyhas // Encyclopedia of the Ossetian Nart Epic: in 3 volumes. Vladikavkaz, 2022. T. 2. P. 345–347.
13. Tuallagov A.A., Tuallagova O.A. People's Assembly of the Ossetians // Proceedings of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies. School of young scientists. – Vladikavkaz, 2022. Iss. 30. P. 33–42.
14. Tuallagov A.A., Tuallagova O.A. People's Assembly of the Ossetians (II) // KAVKAZ-FORUM. – Vladikavkaz, 2023. Iss. 14 (21). P. 62–72. DOI: 10.46698/VNC.2023.21.14.002.
15. Uspenskiy P.S., Albegova (Tsarikaeva) Z.H. Antiquities of the Central Caucasus of the VII–XIII centuries AD (based on the materials of the Dargavs burial ground). – Moscow: Institute of Archaeology RAS, 2021. 272 p.
16. Khadikova A.Kh. Traditional Ossetian etiquette. – St. Petersburg: St. Petersburg University Publishing House, 2003. 228 p.
17. Chikovani G.D. From the social life of the Ossetians – nykhas (Dissertation in Georgian). 07.00.07. Autoref. ... cand. hist. sciences. – Tbilisi: Metsniereba, 1972. 25 p.
18. Chochiev A.R. Essays on the history of social culture of the Ossetians (traditions of nomadism and sedentism in the social culture of Ossetians). – Tskhinvali: Iryston, 1985. 288 p.
19. Chochiev A.R. Narts–Aryans and Aryan ideology. – Moscow: AKALIS, 1996. 264 p.